

– ТЕКСТОЛОГИЯ. СТИХОВЕДЕНИЕ –

УДК 821.512.157-34.09

DOI 10.25587/2782-6635-2023-3-63-76

**Вопросы изучения якутских сказок,
сопоставительный анализ сюжетов
о Старухе Таал-Таал и Чаарчахаан**

П. В. Сивцева-Максимова¹, Т. И. Федорова² ✉

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

²Национальная издательская компания «Айар» им. С. А. Новгородова, г. Якутск, Россия

✉ fedorovatuyara21@gmail.com

Аннотация. Статья посвящается вопросам изучения якутских сказок. Представляются работы И. А. Худякова, Э. К. Пекарского, Г. У. Эргиса, Н. В. Емельянова, современных исследователей В. В. Илларионова, Ю. Н. Дьяконовой, Н. А. Оросиной и др. в контекстах теоретических положений в трудах русских фольклористов. Семантика изустного текста актуализируется как процесс и результат живого общения носителей культурной памяти предков, сопровождающееся целенаправленными действиями по переосмыслению отдельных частей или эпизодов его содержания. Сохранению интереса к национальной словесности в современном мире способствует наличие вариантов сказочных сюжетов и образов, но при этом особо значимыми воспринимаются ранние записи сказок. Целью работы выступает обоснование различных направлений анализа фольклорных текстов, собранных и систематизированных в начале XX в.; выявление статического и динамического эпизодов в сюжетах, описаниях портрета и функций главных персонажей. Методологической базой исследования являются труды В. Я. Проппа, В. П. Аникина, С. Ю. Неклюдова, якутских этнографов и фольклористов А. Е. Кулаковского, Г. В. Ксенофонтова. В процессе работы используются источниковедческие и текстологические методы филологии. Итоги заключаются в анализе «Библиографии якутской сказки» Пекарского (1912) и Эргиса (1964–1967); в характеристике по архивным источникам особенностей ранних фольклорных текстов о Старухе Таал-Таал и Чаарчахаан. В этом плане одним из значимых выводов выступает уточнение общих мест в их сюжетах, а в функциях персонажей – аналогии с мифологическими образами и древними обрядами.

Ключевые слова: якутский фольклор, библиографические указатели сказки, Пекарский, Эргис, сюжеты и образы сказок, рукописные тексты, древние обряды, тексты ранних записей.

Для цитирования: Сивцева-Максимова П. В., Федорова Т. И. Вопросы изучения якутских сказок, сопоставительный анализ сюжетов о Старухе Таал-Таал и Чаарчахаан Вопросы национальных литератур. 2023, № 3 (11). С. 63–76. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-3-63-76

Questions of studying Yakut fairy tales: a comparative analysis of stories about Granny Taal-Taal and Chaarchakhaan

P. V. Sivtseva-Maksimova¹, T. I. Fedorova¹ ✉

¹M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

²S. A. Novgorodov National Publishing Company "Ayar", Yakutsk, Russia

✉ fedorovatuyara21@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of Yakut fairy tales. The works of I. A. Khudyakov, E. K. Pekarsky, G. U. Ergis, N. V. Emelyanov, modern researchers V. V. Illarionov, Yu. N. Dyakonova, N. A. Orosina and others are presented in the context of theoretical positions in the writings of Russian folklorists. The semantics of the study text is actualized as a process and result of live communication of carriers of cultural memory of ancestors, accompanied by targeted actions to rethink individual parts or episodes of its content. The preservation of interest in an ethnic literature in the modern world is facilitated by the availability of variants of fairy tales and images, but the early recordings of fairy tales are particularly significant. The aim of the work is to seek to substantiate various directions of analysis of folklore texts collected and systematized at the beginning of the 20th century; to identify static and dynamic episodes in stories, descriptions of portraits and functions of main characters. The methodological basis of the research are the works of V. Y. Propp, V. P. Anikin, S. Y. Neklyudov, Yakut ethnographers and folklorists A. E. Kulakovskiy and G. V. Ksenophontov. In the process of work, source and textual methods of philology are used. The results consist in the analysis of the "Bibliography of the Yakut Fairy Tale" by Pekarsky (1912) and Ergis (1964 - 1967); in the characterization of the archival sources of features of the early folklore texts of Granny Taal-Taal and Chaarchakhaan. In this regard, one of the significant conclusions is the clarification of common places in their stories, and in the functions of the characters - analogies with mythological images and ancient rites.

Keywords: Yakut folklore, bibliography of fairy tale, Pekarsky, Ergis, stories and images of fairy tales, handwritten texts, ancient rites, texts of early recordings.

For citation: Sivtseva-Maksimova P. V., Fedorova T. I. Questions of studying Yakut fairy tales: a comparative analysis of stories about Granny Taal-Taal and Chaarchakhaan. *Issues of National Literature*. 2023. No. 3 (11). Pp. 63–76. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-3-63-76

Введение

Междисциплинарные методы и приемы изучения устных текстов в современной российской фольклористике приобретают возрастающий интерес, связанный с новыми перспективными аспектами исследования. В этом плане специфика фольклорной текстологии заключается не только в подготовке текста к изданию, изучению его истории, но и в поисках путей к осмысленному восприятию текста как пространства когнитивной деятельности. Принципиально новыми становятся отношения между этими механизмами, как только слушатель вступает в пределы направленного к нему устного, не использующего письменного, сообщения.

Используя и адаптируя инструменты новых технологий, можно исследовать имеющиеся материалы духовной культуры своего народа, способствовать «возвращению» «современному саха» культурной памяти предков и активировать в его сознании механизмы моделирования бытия фольклора как исконной древней традиции. Семантика фольклора актуализируется как процесс и результат целенаправленных действий по переосмыслению его значимости в современных условиях, также как ценностно-содержательный и потенциально действенный феномен.

Самые ранние письменные свидетельства об этнографии якутского народа, его устно-поэтических традиций связаны с именами известных академиков Г. Миллера, И. Гмелина, Я. И. Линденау, А. Ф. Миддендорфа, Р. К. Маака [1].

Из истории изучения якутского фольклора

В изучении якутского фольклора ценится вклад И. А. Худякова. В его работе «Верхоянский сборник» раскрываются особенности устно-поэтического творчества якутов, в книге «Краткое описание Верхоянского округа» дается описание общественного строя, быта и духовной культуры северных народов. «Верхоянский сборник (сказки, песни, загадки, пословицы)», изданный в 1890 г., является первым крупным собранием образцов словесного творчества якутов.

Дальнейшим важным этапом в собирании якутского фольклора являются труды ученых, объединенных в Сибиряковской экспедиции 1894–1896 гг. В комплексной программе экспедиции был специальный раздел по устному народному творчеству, в составе которой работали Э. К. Пекарский, С. В. Ястремский, В. М. Ионов и др.

Под редакцией Э. К. Пекарского изданы несколько томов «Образцов народной литературы якутов», собранные как самим Э. К. Пекарским, так и И. А. Худяковым и В. Н. Васильевым. В составлении и собирании образцов устной литературы Пекарскому содействовали К. Г. Оросин, записывавший сказки, В. Е. Оросин, сообщивший заклинание при игре в карты и др. В изучении сказки, как отдельного жанра якутской народной поэзии, Пекарский предпринял немало усилий. В статье «Якутская сказка» он определил четыре жанра якутского фольклора и отделил сказки от преданий и олонхо [1]. В «Библиографии якутской сказки» исследователь систематизировал 17 наименований.

В изучении якутского фольклора важное место занимает труд В. Л. Серошевского «Якуты. Опыт этнографического исследования», где автор подразделяет народное прозаическое произведение на три типа: «стория» и «устория» – история, повесть; «кэпсээн» – сказка; «олонго» – былина [2, с. 575].

В статье «К материалам о якутских сказках» Н. А. Виташевский характеризует повествовательные жанры фольклора. В разряд сказок автор относит олонхо и сказки как аналогичные жанры [3].

Первыми якутскими фольклористами, оценившими и придававшими особое значение сказкам, являются А. Е. Кулаковский, С. А. Новгородов, Г. В. Ксенофонов, П. А. Ойунский, А. А. Попов и др. [1].

Выдающимися собирателями материалов якутского фольклора следует назвать С. И. Боло и А. А. Саввина. Значение их работ высоко оценены Г. У. Эргисом. За двадцать с лишним лет своей собирательской деятельности С. И. Боло записал сотни преданий, которые фиксировал точно в таком виде, в каком они бытовали в народе [4]. Другой энтузиаст-собиратель А. А. Саввин сумел собрать в Вилное 72 сказки [1].

Неоценимый вклад в современное научное изучение якутского фольклора внесли исследования Г. У. Эргиса. «Якутские сказки» в двух томах по праву можно назвать первым крупным научным изданием, в составлении которого принимали участие А. Л. Новгородова, Н. М. Алексеев, С. П. Ойунская [1].

В 1990 г. выходит монографическое исследование Ю. Н. Дьяконовой «Якутская сказка: русско-якутские взаимосвязи», где впервые тексты сказок сопровождаются подробными аналитическими комментариями [5].

В различные годы в изучении народного творчества выделяются работы «Живой родник. Об устной поэзии якутов» Г. М. Васильева (1973), «Фольклорные традиции в якутской литературе» В. Т. Петрова (1978), «Сюжеты якутских олонхо» (1980), «Фольклор народов Якутии» (1981), «Сюжеты ранних типов якутских олонхо» (1983) Н. В. Емельянова, «От фольклора к литературе: статьи о фольклоре и литературе» (1980), «Якутский героический эпос – олонхо: публикации, перевод, теория, типология: избранные труды»

И. В. Пухова (2004), «Якутский фольклор: историко-философский аспект» Л. С. Филиппова (2005) и др. Из якутских писателей в изучении фольклора внесли большой вклад Д. К. Сивцев-Суорун Омоллоон, М. Н. Тимофеев-Терешкин, С. Р. Кулачиков-Элляй, А. Г. Кудрин-Абагинский и др.

В наше время проблемами сохранения и популяризации якутского фольклора занимаются государственные гуманитарные и образовательные институты Республики Саха (Якутия): вопросы изучения истории текстов сказок и олонхо актуализируются в работах Д. Т. Бурцева, В. В. Илларионова, Н. В. Покатиловой, П. Е. Прокопьевой, Н. А. Оросиной, Н. В. Павловой и др.

В современной российской фольклористике значительное место занимают труды С. Ю. Неклюдова. Он убедительно аргументирует: «Фольклорный текст – это всегда относительно устойчивая комбинация элементов традиции, которая возникает при каждом отдельном исполнении. Обычно он не создается, а воссоздается, словно бы каждый раз складываясь заново, причем последующее воссоздание не бывает тождественным предшествующему. Почти всегда имеют место определенные изменения: от текста к тексту, от исполнения к исполнению, от исполнителя к исполнителю, однако важно не расхождение вариантов, а их совпадение, общая смысловая зона. Подобное варьирование необходимо для постоянного обновления и обогащения традиции, для освоения новаций, в конечном для ее нормальной жизнедеятельности» [6].

В России структуралистский подход к жанру сказки, ставший серьезной вехой в изучении фольклорных текстов, был положен трудами В. Я. Проппа, А. И. Никифорова. Русский филолог, фольклорист и литературовед В. Я. Пропп одним из первых начал систематически изучать и анализировать народные сказки. Он разработал теорию о том, что фольклор и литература имеют общие черты и что они оба являются продуктами коллективного творчества.

Одним из наиболее известных научных достижений Проппа является его труд «Морфология сказки», в которой он предложил универсальную структуру для анализа народных сказок и других фольклорных произведений. Данная работа стала основой для дальнейших исследований в области фольклора и помогла создать новые направления. Пропп писал, что сказки изначально показывались. В книге «Исторические корни волшебной сказки» он пишет: «То, что сейчас рассказывают, некогда делали, изображали, а то, чего не делали, представляли себе» [7, с. 309]. Здесь необходимо отметить, что ученый близок к семиотике фольклора: рассказ выступает неким символом действия, изображения, который имеет определенное значение для общества и культуры. Исследование может помочь в понимании того, как фольклор может быть использован для передачи культурных ценностей и традиций из поколения в поколение. Кроме того, он изучал другие фольклорные жанры и формы как легенды и мифы и применял эти знания для исследования языка и культуры народов мира.

В. Я. Пропп признан выдающимся ученым, который внес большой вклад в науку о фольклоре и литературе, развил приемы и методы анализа волшебной сказки. Определил, что идея волшебной сказки – способность изменять сознание слушателя. Это достигается путем использования таких художественных деталей, как повторение ключевых слов или фраз, использование метафор и аллегорий, создание образов и символов, которые могут быть интерпретированы по-разному в зависимости от контекста. В статье «Фольклор и действительность» В. Я. Пропп отмечал: «Сказка есть нарочитая и поэтическая фикция. Она никогда не выдается за действительность» [8, с. 87]. В. П. Аникин в книге «Русская народная сказка» подчеркивает, что установка на вымысел – основная черта сказки как изустного творчества и делает следующий вывод: «Сказка воспроизводит невероятные события, дела, поступки. В сказке реальность представлена неправдоподобно» [10, с. 15].

Народное творчество коренится в глубинах народной культуры. Из века в век вся словесность переходит в своих культурных кодах от одного поколения к другому.

Известный якутский фольклорист Г. У. Эргис, отмечал, что народ на протяжении всей истории создавал и продолжает в новых условиях творить разнообразные произведения фольклора.

В якутских волшебных сказках элементы фантастики преобладают над реальными изображениями жизни. В сказках наряду с людьми участвуют чудесные помощники и волшебные предметы, происходят необычайные события в фантастической обстановке. «Фантастические образы и сюжеты были обусловлены бытом, традицией, национальными особенностями художественного мышления народа», – пишет Г. У. Эргис [4, с. 28] и приводит в пример популярные в свое время такие сказки, как «Таал-Таал эмээхсин», «Чаарчахан», «Бэйбэрикээн», «Үчүгэй Үөдүйээн» и др.

Анализ сюжетов якутских сказок о Старухе Таал-Таал и Чаарчахан

На основе представленных исследований определяется цель нашей работы – стремление раскрыть общие места в сюжетах сказок в ракурсах текстологического анализа; определить в сказках скрытые культурные коды. Источниками выступают якутские фольклорные тексты, выборка которых была произведена по библиографическим указателям. Представляем обзор составленных исследователями материалов:

I. «Библиография якутской сказки» Э. К. Пекарского (1912) [11, с. 429].

II. «Библиография якутской сказки» Г. У. Эргиса (1964–1967) [12, с. 274].

III. «Список вариантов сказок», включенный в академическое издание «Якутские народные сказки» в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (2008) [1].

Библиография Э. К. Пекарского, вышедшая в составе периодического издания «Живая старина» в 1912 г., как отметил Н. Виташевский, является для своего времени полным списком литературы. Включает в себя 17 названий источников. Из них в 5 источниках даются сюжеты о Старухе Таал-Таал и Чаарчахан (названия источников приводятся нами в том виде, в каком даны в работе Пекарского):

1) Чачахан. Якутская детская сказка. Без як. текста. Сообщена Эд. Пекарским. Живая старина 1906, вып. II, стр. 118–204;

2) образцы народной литературы якутов, издаваемые под редакцией Э. К. Пекарского при ближайшем участии В. М. ИONOва: Т. I, ч. I. Тексты сказок, собранных Э. К. Пекарским. С-Пб. 1911. Стр. 475. [Труды Якутской экспедиции, снаряж. на средства И.М. Сибирякова (1894–1896 гг.). Том III, ч. IV];

3) образцы народной литературы якутов, издаваемые под редакцией Э. К. Пекарского при ближайшем участии В. М. ИONOва: Т. II, ч. I, вып. I. Тексты сказок, собранных И. А. Худяковым. С-Пб. 1913. Стр. 190.

4) В. Л. Приклонский. Якутские народные поверья и сказки. Без як. текста (Приложения к этногр. Очеркам: «Три года в Якут. области»). Живая старина. Вып. II. 1890. Стр. 169-176;

5) Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки, пословицы, собранные в Верхоянском крае И. А. Худяковым. Перевод. (Зап. Вост.-Сиб. Отд. И.Р.Г.О. по этногр., т. I, вып. 3). Ирк. 1890, стр.69-253: V. Сказки.

К выходу данной библиографии Э. К. Пекарский состоял действующим членом и сотрудником Отделения Этнографии Императорского Русского Географического общества. Следует также отметить, что данное издание «Живой старины» полностью посвящено сказкам, при утверждении которого была создана специальная «Сказочная комиссия» Императорского Русского Географического Общества с целью показать богатство и живучесть народной сказки.

Библиография Г. У. Эргиса опубликована как приложение во II томе его сборника якутских сказок (1967): включает 132 единицы текстов. Сборник остается самым крупным и, следовательно, самым представительным печатным собранием якутских сказок: во втором томе помещены важные справочные материалы.

Но по отношению к этой работе Эргиса редколлегия, работавшая над изданием академического труда «Якутские народные сказки» [1], приходит к выводу, что достоверность записей, вошедших в сборник Эргиса, еще следует подтвердить исследователям. Обоснованием такого заключения выступает предположение современных фольклористов о том, что большая часть записей была сделана людьми, неподготовленными к быстрой записи. При этом они учитывают, что Г. У. Эргису эта сторона практической работы по сбору текстов была известна – он сам писал об этом: «В те далекие времена тексты писались под диктовку, тогда как настоящий сказочник не способен диктовать. Диктуя, он теряет ритм, сбивается, пропускает словесные обороты и даже эпизоды. Он начинает пересказывать сказку. Видя огрехи своей записи, любитель-записыватель произвольно или непроизвольно вынужден исправлять их. Если он делает это без участия рассказчика и тем более усердствует в этом, то полученный текст следует признавать самозаписью собирателя» [1, с. 35].

Таким образом, материалы двухтомного собрания Эргиса не утрачивают значения до наших дней, а в будущем их ценность для исследователей будет возрастать.

Из библиографического списка Эргиса мы выделяем следующие источники, относящиеся к анализируемым текстам сказок о Старухе Таал-Таал и Чаарчахаан:

- 1) Виташевский Н. А. К материалам о якутских сказках. – Живая старина, 1912, вып. 2–4.
- 2) Девушка-хвошинка. – Якутские народные сказки. Составил М. Булатов при участии Н. Слепцова. М., Детгиз, 1954.
- 3) Саха сэхэннэрэ (Якутские сказки). Составил Ф. С. Андросов. М., Учпедгиз, 1938.
- 4) Саха остуоруйалара (Якутские сказки). Сб. составил Суорун Омоллоон. Якутск. Якуткнигоиздат. 1940.
- 5) Саха фольклора. (Якутский фольклор). Хрестоматия, составитель Д. К. Сивцев. Одобрена Министерством просвещения Якутской АССР. Якутск, Якуткнигоиздат, 1947.
- 6) Старуха Таал-Таал. – Тоннооско лгун. – В кн.: Ксенофонов Г. В. Ураанхай сахалар. Очерки по древней истории якутов. – Т. I, Иркутск, 1937.
- 7) Старуха Таал-Таал. Пер. Т. Е. Сосина. – Хотугу Сулус (Полярная звезда). Якутск, 1940, № 4.
- 8) Якутские сказки. В двух томах. Т. I. Издание подготовил Г. У. Эргис, Якутск, Якуткнигоиздат, 1964.

Список вариантов сказок, приведенный в приложении «Якутских народных сказок», состоит из следующих источников, которые подходят по теме исследования:

- 1) Таал-Таал эмээхсин (Старушка Таал-Таал). – Зап. В. В. Илларионов в 1986 г. от Г. Я. Иванова, 66 лет, в с. Кутана Сунтарского р-на. Публ. впервые. Чрезвычайно популярная якутская сказка;
- 2) Чаачахаан-Чаачахаан (Чаачахаан-Чаачахаан). – Зап. П. Н. Дмитриев в 1972 г. от Н. И. Степанова, 75 лет, в с. Беке Мегино-Кангаласского р-на. Публ. Впервые;
- 3) «Чаарчахаан Богдо». – Самозапись А. Г. Местникова, сделанная в 1947 г. в Усть-Алданском р-не. – (сказка записана в стихах).

Наряду с указанными источниками нам удалось найти авторские рукописи сказки «Тал-Тал эмэхсинь» (Селезенка-старуха) М. Тимофеева-Терешкина и сказки «Чаачахаан уонна Ала Моҕус» Суоруна Омоллоона. В отношении текстологического исследования данные рукописи представляют специфические тексты, в определенной степени близкие к авторским произведениям. Но с учетом цели нашей работы эти рукописи якутских писателей могут быть использованы как варианты при сравнительном анализе сюжетов изустных текстов.

Фольклорные тексты, в данном случае тексты сказок в различных автографах, записях, редакциях, варьируются в зависимости от времени собирателя, составителя, издания. Мы относим к первостепенным текстам исследования – записи со слов носителей изустных текстов [13]. В этом плане рукописи (автографы) М. Н. Тимофеева-Терешкина,

Д. К. Сивцева-Суорун Омоллоона не подходят для дальнейшего исследования, так как они относятся к авторским текстам, являются результатом творческой деятельности одного человека, в данном случае – писателя.

Анализ вариантов рукописных источников о Старухе Таал-Таал и Чаарчахаан

С целью выявления общих мест в структурах, выбранных нами сказочных текстов, целесообразно сравнить их сюжеты между собой. Изложение сюжетов записей дается в виде табл. 1 и 2, с сохранением основных идейных и сюжетных мотивов. Тем самым стремимся выявить особенности композиции, составных ключевых элементов, скрытые смыслы, характерные иносказания.

Таблица 1

Сюжеты записей сказок о Старушке Таал-Таал

Источник	Сюжет
Старуха Таал-Таал. Запись Г. В. Ксенофонта (1937)	Старуха Таал-Таал идет по скользкой ледяной поверхности. Поскользнувшись, падая, ушибает селезенку и ведет беседу: спрашивает у льда силен ли он, затем у солнца, туч, ветра, утесистых гор, землеройки-мышы, босоногой девы, которая оказалась сильнее всех.
Таал-Таал эмээхсин (Старуха Таал-Таал). Запись Х. И. Константинова (1940)	У старухи Таал-Таал три сына, две коровы, сосед Ала Могус. Старуха берет сливки от двух своих коров и во время сбивания, остерегаясь, просит сыновей следить за Ала Могусом. Глаз-Глаз видит, что к ним катится какой-то клубок. Ухо-Ухо слышит шелестящий звук. Глаз-Глаз видит, что клубок возрос. Ухо-Ухо слышит шум. Нос-Нос нюхает горелый запах. Все прячутся. Входит Ала Могус, никого нет. Пытается найти старуху, спрашивает берестяного божка Николу, где она. Затем – у деревянного идола байаная, табуретки, ступы, стола, полки, веника, лопаты, огня, кочергу, которая говорит, где спрятались хозяева. Ала Могус съедает всех детей. Гонится за старухой, она забегает в ледяное озеро. Ала Могус, поскользнувшись, грохается на лед, ломает себе восемь ребер, одну руку, одну ногу и полчерепа. Примерзает ко льду. Лежа так, он спрашивает у льда силен ли он, затем у солнца, тучи, ветра, камня, мышкы-землеройки, кошки, собаки, мыксы, человека. Но Ала Могус умирает, не узнав кто сильнее. Тем временем старуха пересекает озеро, входит в лес. Встречает волка. Волк ей говорит: «Куда идешь?» Та отвечает: «Горе. Могус сосед съел трех сыновей. Я убежала». Просит помощи, защиты. Вместе идут к озеру. Волк распарывает Могусу брюхо, откуда выходят дети. Старуха прорубает три проруби, обмывает сыновей, приводит в дом.
Таал-Таал эмээхсин (Старушка Таал-Таал). Запись В. В. Илларионова, (1986)	Старушка забавы ради решает кататься на льду своего озера. Поскользнувшись, разбивает себе таз. Спрашивает у льда кто сильнее, далее у солнца, тучи, ветра, лесистых гор, серой мышкы, человека, который оказывается сильнее. Старуха самостоятельно встает ото льда.

Таблица 2

Сюжеты записей сказок о Чаарчахаан

Источник	Сюжет
Чачахан. Запись И. С. Говорова (1890), с исправлениями слогов Э. К. Пекарского (1906)	У Чачахана жена Чабычахан, четыре сына, три дочери, один бык. Семья решает забить быка. Сын Соломенная Ножка идет за водой и решает скакать на льду. Вдоволь наскакавшись, он идет к примерзшим ведрам и ломает руки, ноги, голову и умирает. Не дождавшись соломенной Ноги, домашние посылают Длинную Косу за братом. Но она теряется в роще и умирает. Остальные находят их и приносят домой уже мертвых. Чачахан продолжает потрошить быка. В это время две дочери обжигаются до смерти. Затем жена умирает, вынося желудок быка. Далее сыновья, поскользнувшись о кровь с водой, тоже умирают. Увидев все это, последний сын царапает себя до смерти. Чачахан остается один и думает: куда девать трупы. Решает пригласить соседей братьев Могусов. Первый отказывается, второй тоже, третий соглашается, у которого были жена, девять сыновей, девять дочерей. Мокус просит одежду у жены и одевается. Придя к Чачахану, Мокус все съедает, остается голодным и решает унести Чачахана в качестве гостинца. Чачахан пытается убежать, но из-за развязавшихся ремней падает и его забирает с собой Мокус. По пути Чачахану удается убежать. Придя домой, Мокус оставляет сумку в сенях и объявляет, что принес Чачахана. Жена не находит Чачахана в сумке мужа. Мокус, заподозрив, что жена сама съела Чачахана, убивает ее. Затем Мокус повторно приносит Чачахана домой, чтобы съесть его. Чачахан просит подождать пока он пожирнеет. Мокус заключает Чачахана в решетчатую полку и уходит песок толочь. Дети Могуса хотят съесть Чачахана, но он обманывает их, что сделает игрушки и просит нож. Освободившись с помощью детей, он убивает их: головы кладет на кровать, а тела варит. Чачахан роет норку под стенами дома Могуса и прячется там. Приходит Мокус. Съедает приготовленное мясо, обнаруживает мертвых детей, пытается поймать Чачахана и застревает в норке. Чачахан убивает застрявшего Могуса. Чачахан режет у мертвого Могуса мизинчик, откуда выходит вся его семья.
Чаачахаан (Чаачахаан). Запись В. Н. Дмитриева со слов М. П. Дмитриева, 76 лет (1937)	У Чаачахаана жена Чабычахаан, одна дочь, 5 сыновей, один бык. Перед забоем быка сына От Атах посылают за водой. От Атах катается на льду, ломает ноги, руки, голову, грудь, умирает. Сына Орой Мэйии посылают за ветками в лес. Орой Мэйии умирает от упавшей ветки. Вечером зарезали быка. Сын От Сыалыйа сгорает из-за лучинки. Жена, мешая кровь быка, умирает, упав в посуду с кровью. Сын Сэбирдэх Тюес умирает под тяжестью бычьей грудинки. Дочь Кыл Куемэй подавилась салником с глиной и умирает. Сын Хабах Бас умирает от своих пальцев, вцепившихся в голову. Чаачахаан жарит кишки быка, понимает, что не сможет съесть всего быка, и решает пригласить братьев Могусов. Старший Мокус отказывается. Средний Мокус тоже. Младший Мокус соглашается, одевается. Придя в дом Чаачахаана, Мокус съедает быка и всех покойников. Не наевшись, забирает Чаачахаана с собой в виде гостинца. По дороге Чаачахаан убегает от Могуса. Мокус, придя домой, велит жене занести сумку с гостинцем. Жена проглатывает иголку с ниткой, не находит Чаачахаана. Мокус, заподозрив жену, что она сама съела гостинец, убивает ее. Мокус догоняет Чаачахаана, приносит домой. По просьбе Чаачахаана Мокус идет за рыбой. Чаачахаан убивает детей Могуса, варит их, роет нору. Мокус, придя домой, съедает сваренное мясо, обнаруживает головы детей. Ищет Чаачахаана, спрятавшегося в норе. Находит его и застревает в норе, а Чаачахаан отрезает ему голову, распарывает живот, где были его родные. Чаачахаан ищет живую воду, не находит. Тогда птичка советует ему отрезать мизинец Могуса, откуда выпадает табакерка с живой водой. Чаачахаан поит родных живой водой, все оживают.

Ангаа Монгус уонна Чаарчахаан (Ангаа Монгус и Чаарчахаан). Запись школьника С. Степанова (1943)	Живет честный Чаарчахаан. Идет на охоту, прилипает к лиственнице. Появляется Мокус, берет Чаарчахаана с собой. Чаарчахаану удается убежать. Но Мокус его ловит, приносит домой, велит детям сварить Чаарчахаана и уходит. Чаарчахаан убивает детей, варит их мясо, роет нору. Мокус приходит, съедает сваренное мясо, находит головы детей. Ищет Чаарчахаана, который спрятался в норе. Застревает в норе, Чаарчахаан его убивает. Перед смертью Мокус завещает, чтобы Чаарчахаан сделал из его костей нужные вещи.
Чаарчахаан Богдо. Запись А. Г. Местни- кова (1947)	У Чаарчахаана отец, мать, жена, сын, дочь, сестра, два друга, сосед Мокус, два быка. Забивают двух быков. Сын идет за водой, катается и примерзает. Дочь обжигает горло и умирает. Жена умирает, падая, проглотив кровь, сестра – от своих ногтей. Чаарчахаан приглашает Могуса, чтобы тот съел быка. Мокус, придя в дом Чаарчахаана, съедает быка, всех покойных. С собой уносит Чаарчахаана. Мокус оставляет его и уходит на охоту. Пообещав сделать детям ложки, Чаарчахаан освобождается из клетки и убивает детей, роет нору. Мокус съедает сваренное мясо, обнаруживает мертвых детей, ищет Чаарчахаана. Чаарчахаан убивает Могуса, но перед смертью Мокус наставляет Чаарчахаана, чтобы он из его костей сделал нужные вещи.
Чаачахаан-Чаачахаан (Чаачахаан-Чаача- хаан). Запись П. Н. Дмит- риева (1972)	У Чаачахаана-Чаачахаана муж, дочь, два сына, да бык. Решают забить быка. Сын От Сата идет за водой, катается, примерзает ко льду и начинает разговор. Спрашивает у льда силен ли он, затем у солнца, тучи, ветра, каменной горы, мышки-землеройки. Так он долго лежит. Сын Сэбирдех Тюес умирает, надорвав грудь. Дочь Кыл Кюемэй умирает, обжегши горло. Муж Хабах Бас умирает, порвав свою голову ногтями. Старушка Чаачахаан-Чаачахаан идет к старшему Могусу, тот отказывается. Идет к среднему – отказывается. К младшему – соглашается. Мокус не наедается угощениями Чаачахаан-Чаачахаан, берет ее с собой. От злости убивает жену, заподозрив ее в том, что она тайком съела гостинец. Приказав детям сварить Чаачахаан-Чаачахаан, уходит. Чаачахаан-Чаачахаан убивает детей Могуса, роет проход. Мокус, придя домой, съедает сваренное мясо, находит мертвых детей, ищет Чаачахаан-Чаачахаан. Чаачахаан-Чаачахаан убивает Могуса.

В. М. Гацак, известный советский фольклорист, исследователь традиционной культуры народов России и Восточной Европы, в работе «Эпический певец и его текст» (1971) приводит сравнительный анализ былин Т. Г. Рыбникова (1791–1885), который заключается в соотношении разных текстов одного певца по содержанию – вот важный аспект проблемы сказительского текста. При каждом речевом акте фольклорное произведение как бы заново рождается, обретая новую цельность. При этом Гацак пишет: «Варианты в принципе равноправны» [14, с. 9]. Это означает, что все варианты имеют одинаковую значимость и ценность и выбор между ними не зависит от каких-либо внешних факторов.

С. Ю. Неклюдов предлагает: «В текстах можно изучать движение морфологических и содержательных элементов, прежде всего, некоторых устойчивых тем и сюжетно-мотивных воплощений, используя при этом опыт, связанный скорее с исследовательскими навыками фольклористики» [15, с. 15].

Таким образом, синхронизировав данные принципы, С. Ю. Неклюдов делает предположение: «Такой анализ способен проверить реконструкции фольклора. Сюда относятся функционально-семантическая пластичность при устойчивости структурных приобретений, ветвление сюжета в соответствии с разными коммуникативными заданиями, вариативные замены персонажей на основе общих функций и признаков и т. д.» [15, с. 16].

Итак, анализ сюжетов записей показывает, что во всех вариантах обеих сказок, прослеживается сюжетно-мотивная линия, построенная на конфликте «маленьких» героев (бедняков, стариков, старушек) с существом-чудовищем: Старуха Таал-Таал + старуха/старик Чаарчахаан и Ала Могус.

Образы главных персонажей обеих сказок вполне правдоподобны. Показан скромный уклад их жизни, семейное положение, убогая обстановка. Сходство образов главных персонажей обеих сказок Таал-Таал, Чаарчахаана прослеживается в критических моментах сюжетов сказки, когда Могус не наедается детьми (в других вариантах мясом быка, телами детей Чаарчахаана) и хочет съесть их самих.

Сказка о Старушке Таал-Таал строится на основе широко распространенного мотива: «кто сильнее». Экспозицией сказки служит желание старушки покататься на льду. Кумулятивная цепь развития событий завязывается обращением Таал-Таал ко льду, виновнику ее несчастья (Муус-муус бэркин дуо? / Эй, лед-лед, силен ли ты?) С таким же вопросом старушка обращается к солнцу, туче, ветру, горе, мышке-землеройке, человеку. В варианте записи Х. И. Константинова от сказителя Н. П. Абрамова-Кыната, Ала Могус обращается с вопросами: ко льду, солнцу, туче, ветру, горе, мышке-землеройке, кошке, собаке, мыксе (собачья болезнь), человеку.

Сказку о Старушке Таал-Таал можно отнести к самым ранним типам волшебной сказки. По своему содержанию и сюжетно-мотивной структуре она не соответствует классической модели волшебной сказки. Основные компоненты волшебства здесь только намечены. Запрет не сформирован отчетливо, он лишь угадывается. Дальнейшая цель действий Таал-Таал направлена на поиски чудесного спасителя (помощника) или дарителя жизни (записи Г. В. Ксенофонтова, В. В. Илларионова). Развязка вариантов оптимистична, однако прослеживается объединение или проникновение сюжета сказки Чаарчахаан (записи П. Н. Дмитриева, Х. И. Константинова) в сюжетную структуру Таал-Таал или наоборот – обратная композиционная контаминация [1].

При сравнении завязки сюжетов определяем типологические сходства деталей: у обоих имеются дети, имена которых или аналогичны, или близки по звучанию; а их соседство с Ала-Могусом и связанные с ним эпизоды выступают общим местом в текстах рукописей.

Например, Таал-Таал решает взбить сливки, Чаарчахаан – забить быка; фигуративное описание Таал-Таал и Чаарчахаана добавляет им тематическую роль беспомощности, старения, уязвимости.

Само выражение Ала Могус – «обжора» [2, с. 588], «ненасытный» [9, с. 182], «едун» [16, с. 118]. В сказке нарицательное слово «могус» переходит в собственное имя существа-чудовища, отличительной чертой которого является огромный рост и прожорливость. К имени добавляется эпитет «ала» («алаа», «ангаа»), который становится частью его имени, и обозначает «близорукий», «разноглазый», «пестрый». Чудовищное происхождение образа Могуса подтверждается вариантом Алексева: «Аһымдым хаалбыта эбээт, Диэн арсан дуолай анаатынна, Ол да буоллар, Бардабым диэн игиэтиннэ» – Могус представлен в виде синонима арсан дуолана. По А. А. Попову, Арсан Дуолай – родоначальник всех нижних абаасы; по В. М. Ионову, Арсан Дуолай Буор Мангалай Луо Хаан – абаасы нижнего мира; по П. А. Ойунскому, Арсан Дуолай – глава нижних абаасы; по И. А. Худякову, Арсын Дуолай-тойон – господин со ртом на темени и глазами на висках, у которого в подчинении восемь (или девять) дьяволов, также есть госпожа – Аан Дьаайын (в источнике) [17].

При этом на основу образа Могуса наслоились еще отзвуки былого людоедства, когда-то распространенного у многих первобытных племен в периоды острой нехватки пищи или имевшего религиозно-магическое значение [18].

Так, сюжет легенды о людоедах в записи Г. В. Ксенофонтова от И. П. Шадрина 1924 г. схож с сюжетной линией исследуемых нами сказок. По легенде, в стан Ефима Павлова приходят трое мужчин из племени Кэргэбил (три соседа Могуса), которые

были известны как «страшные люди» – людоеды. Павлов, узнав их, думает, как от них избавиться. Для начала пришельцев приглашают в дом угоститься, но заходит только один – Кэргэбил, а двое отказываются (Чаарчахаан приглашает Могуса). Павлову удается с семьей убежать от мужчин. После этого Кэргэбил, вынуждаемый голодом, убил 59 человек своих подчиненных (Могус съедает всех покойников). Тээджэбилу, одному из этого племени, удалось перебраться на соседнюю равнину «алыы» со своей семьей. Зная, что людоед догонит их, с той стороны, откуда он должен был прибыть, Тээджэбил сделал прорезь в крышке шатра (Чаарчахаан роет проход / нору), чтобы следить через отверстие. Когда людоед прибыл, Тээджэбил выстрелил в него из своей кремневки (Чаарчахаан убивает Могуса) [19].

Старуха/старик, Могус и их конфликтующие нарративные программы иллюстрируют глубинную систему ценностей в виде противопоставлений «есть»/«быть съеденным»; «чудовище-людоед»/«жертва»; «добро»/«зло».

Следует отметить, что имя жены Чаарчахаана «Чабычахаан» из вариантов записей И. С. Говорова, М. П. Дмитриева и А. Г. Местникова, вероятно, создалось из названия берестяного ведра. Имена детей персонажей вариантов сказки Чаарчахаан имеют описательный характер и намекают на их физиологические особенности, которыми определяются их судьбы. Они символизируют болезни домашних животных: например, дочь Кыл Кюемэй – күөмэйдыт («горловая болезнь»), тамабардыр («гортань запаливается»), хабарҕаһыт («горловая болезнь»); Пузырьголова, Орой Мэйии – мэйиитэ иһэр («голова пухнет»); От Атах, От Сыалдьыа – атаҕа тостон өлөр («умирает от перелома ноги») и др. [20, с. 240].

За событиями вариантов о старушке Таал-Таал и Чаарчахаане стоит гораздо более архаический фон. Вероятно, что в соответствии с имплицитным контекстом происходящее событие есть символическое проявление причинно-следственных связей фольклорного текста с некогда бытовавшими обрядами у северных народов. Так, пережитки прямого почитания животных в обрядах, связанных со скотоводством, приводятся в монографии Алексеева [17].

Элементы текстов, когда Могус прибегает к Старухе и когда Чаарчахаан приглашает Могуса к себе, интерпретируются с обычаем гощения у якутов. Во время годовичного собрания разорившийся или промотавшийся якут забивает какую-нибудь небольшую скотину (теленка или жеребенка) и созывает всех состоятельных якутов, говоря: «Почтенный! Обстоятельства развлекли, расстроили меня. Нельзя ли будет тебе пожаловать (ко мне) откусать вареного?» (Обонньоор! Алььяммыт-саараммыт киһибин эбээт. Хайа кэлэн күөс аһаан барыххын хайдаһый!). Почтенные редко отказываются от такого предложения. После пиршества-компании покушавшие гости оказывают разоренному благодеяние: щедрый богач дает годовалого теленка или, по особой просьбе, двухтрехлетнюю лошаденку; добряк среднего состояния дает теленка или 3 рубля; более бедные – по 2 рубля. Составляющий компанию, разумеется, кругом бывает должен, и ему прощают долгов рублей на 10–15 [20, с. 128].

Вариант в фольклористике понимается как текст, который получается в результате каждого исполнения произведения сказителем. Разные варианты одного и того же произведения обнаруживаются не только у разных исполнителей, но могут быть даже у одного исполнителя под воздействием различных причин забывания деталей, особого творческого подъема вдохновения и пр. [21].

Н. А. Оросина, затрагивая проблемы изучения системы эпических традиций народа, пишет: «Исследование региональной традиции сказительства является весьма актуальным направлением в современной фольклористике. В условиях бытования были на Русском Севере, по крайней мере, для XVIII–XX вв., можно говорить о существовании разных “школ” сказителей, объединяемых общностью приемов и методов разработки традиционных сюжетов и исполнения созданных текстов. Общим для “школ” оказывается

и репертуарный отбор былин, особенно любимых и часто исполняемых. Былины одной школы могут появляться в разных местностях и могут выходить за пределы территориальной ограниченности» [22, с. 32].

В настоящее время изучение фольклорных текстов основывается на структурном анализе с учетом вариативности сюжетов, исследуются художественные особенности изустных текстов с точки зрения лингвистики, литературоведения, текстологии, семиотики, психологии, антропологии, социологии, педагогики и других наук.

Одним из наиболее важных аспектов научного исследования сказок является их связь с культурным наследием народа. Изучение сказок помогает понять, как культура и традиции передаются из поколения в поколение и как они влияют на формирование личности и общества. Научное исследование сказок может помочь выявлять скрытые смыслы и значения, которые могут быть непонятны или малопонятны современному читателю. При анализе сюжетов и образов персонажей, раскрываются контексты традиционной культуры, в которой они были созданы.

Заключение

Научное изучение сказок имеет большое значение для понимания истории, культуры и традиций народа, а также для развития личности и образования. Итоги представленного исследования заключаются в анализе библиографии якутской сказки, в сопоставлении вариантов ранних фольклорных текстов о Старухе Таал-Таал и Чаарчахаане. В этом плане одним из значимых выводов выступает уточнение общих мест в их сюжетах, а в функциях персонажей – аналогии с мифологическими образами и древними обрядами. Таким образом, мы наблюдаем ветвление сюжета в соответствии с разными коммуникативными заданиями, вариативные замены персонажей на основе общих функций (кто самый сильный/маленький человек и чудовище) и признаков (старуха/старик). Сказки о Старухе Таал-Таал и Чаарчахаане в исследуемых записях представляют мифический взгляд на мир. При этом в сказках конфликтующие нарративные программы «Добро»/«Зло» представляют самодостаточное значимое сущее, границы которых четко обозначены: «люди»/«чудовища» по аналогии «средний мир»/«нижний мир».

Проведя параллели между вариантами сказочных сюжетов, приходим к выводу, что данные фольклорные тексты сохраняют элементы древних обрядов. Таким образом, какой-либо древний исчезнувший обряд может сохраняться во временном пространстве, в формах деталей или элементов содержания сказок.

Л и т е р а т у р а

1. Якутские народные сказки / составители В. В. Илларионов, Ю. Н. Дьяконова, С. Д. Мухомлева и др. – Новосибирск : Наука, 2008. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 27). – 461 с.
2. Серошевский, В. Л. Якуты : опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский. – [2-е изд.]. – Москва, 1993. – 744 с.
3. Виташевский, Н. А. К материалам о якутских сказках / Н. А. Виташевский // Живая старина. – Вып. XXI. – 1907. – Петроград : Типография Императорской Академии наук, 1914. – С. 449–466.
4. Эргис, Г. У. Очерки по якутскому фольклору / Г. У. Эргис. – Якутск : Бичик, 2008. – 408 с.
5. Дьяконова, Ю. Н. Якутская сказка : русско-якутские взаимосвязи / Ю. Н. Дьяконова ; ответственный редактор С. П. Рожнова ; Академия наук СССР, Сибирское отделение, Якутский филиал, Институт языка, литературы и истории. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1990. – 183 с.
6. Неклюдов, С. Ю. Фольклор : типологический и коммуникативный аспекты / С. Ю. Неклюдов // Традиционная культура : электронный научный альманах. 2002. Том 3. №3 (7). – URL: <http://www.trad-culture.ru/almanakh/tom-3-po-3-7-2002> (дата обращения 20.04.2023 г.).
7. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1986. – 365 с.
8. Пропп, В. Я. Фольклор и действительность / В. Я. Пропп. – Москва : Наука, 1976. – 328 с.

9. Кулаковский, А. Е. Труды по якутскому языку / А. Е. Кулаковский. – Якутск : Якутия, 2017. – 290 с.
10. Аникин, В. П. Русская народная сказка / В. П. Аникин. – Москва : Просвещение, 1977. – 208 с.
11. Пекарский, Э. К. Библиография якутской сказки / Э. К. Пекарский // Живая старина, 1912. – Петроград: Период. изд. Отделения этнографии Имп. Рус. геогр. о-ва. – С. 529–532.
12. Эргис, Г. У. Сыһыарыыллар=Приложения / Г. У. Эргис. – Якутск : Якутское книжное издание, 1967. – 282 с.
13. Панкеев, И. А. Книга русского фольклора : от устного слова до издания / И. А. Панкеев. – Москва : Инфосфера, 2005. – 436 с.
14. Текстологическое изучение эпоса / [Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; отв. ред.: В. М. Гацак, А. А. Петросян]. – Москва : Наука, 1971. – 229 с.
15. Неклюдов, С. Ю. Литература как традиция / С. Ю. Неклюдов // Темы и вариации. – Москва : Индрик, 2016. – 520 с.
16. Пекарский, Э. К. Чачахан : якутская детская сказка // Живая старина, 1906. – Вып. 2. – Санкт-Петербург : Типография Мин. Пут. Сообщ., 1906. – С. 118–122.
17. Алексеев, Н. А. Этнография и фольклор народов Сибири / Н. А. Алексеев. – Новосибирск : Наука, 2008. – 522 с.
18. Николаев, С. И. К вопросу о происхождении якутских легенд о древних людоедах / С. И. Николаев // Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии. Вып. II. – Якутск, 1961. – С. 47–49.
19. Ксенофонтов, Г. В. Ураангхай-сахалар : очерки по древней истории якутов / Г. В. Ксенофонтов. – Иркутск : ОГИЗ : Восточносибирское областное издательство, 1937. – Т.1. – 576 с.
20. Худяков, И. А. Краткое описание Верхоянского округа / И. А. Худяков ; под редакцией В. Г. Базанова ; [подготовка текста О. Б. Алексеевой ; редакция якутских текстов и примечания: Г. У. Эргиса, Н. В. Емельянова, П. Е. Ефремова ; вступительная статья В. Г. Базанова и Н. В. Емельянова] ; Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом), Институт истории, языка и литературы Якутский филиал Сибирского отделения. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1969. – 437 с.
21. Марфусалова, А. Д. Роль фольклора в становлении этнического самосознания / А. Д. Марфусалова // Эпическое наследие народов Якутии : традиции и современность. – Якутск, 2018. – С. 140–144.
22. Оросина, Н. А. Сказительская «школа» в системе эпических традиций народа к постановке проблемы / Н. А. Оросина // Мир науки, культуры, образования. – Якутск, 2013. – № 4 (41). – С. 32.

References

1. Yakutskie narodnye skazki / sostaviteli V. V. Illarionov, Yu. N. D'yakonova, S. D. Muhopleva i dr. – Novosibirsk : Nauka, 2008. – (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 27). – 461 s.
2. Seroshevskij, V. L. Yakuty : opyt etnograficheskogo issledovaniya / V. L. Seroshevskij. – [2-e izd.]. – Moskva, 1993. – 744 s.
3. Vitashevskij, N. A. K materialam o yakutskih skazkah / N. A. Vitashevskij // Zhivaya starina. – Vyp. XXI. – 1907. – Petrograd : Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1914. – S. 449–466.
4. Ergis, G. U. Ocherki po yakutskomu fol'kloru / G. U. Ergis. – Yakutsk : Bichik, 2008. – 408 s.
5. D'yakonova, Yu. N. Yakutskaya skazka : russko-yakutskie vzaimosvyazi / Yu. N. D'yakonova ; otvetstvennyj redaktor S. P. Rozhnova ; Akademiya nauk SSSR, Sibirskoe otdelenie, Yakutskij filial, Institut yazyka, literatury i istorii. – Leningrad : Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1990. – 183 s.
6. Neklyudov, S. Yu. Fol'klor : tipologicheskij i kommunikativnyj aspekty / S. Yu. Neklyudov // Tradicionnaya kul'tura : elektronnyj nauchnyj al'manah. 2002. Tom 3. №3 (7). – URL: <http://www.trad-culture.ru/almanakh/tom-3-no-3-7-2002> (data obrashcheniya 20.04.2023 g.).
7. Propp, V. Ya. Istoricheskie korni volshebnnoj skazki / V. Ya. Propp. – Leningrad : Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1986. – 365 s.
8. Propp, V. Ya. Fol'klor i dejstvitel'nost' / V. Ya. Propp. – Moskva : Nauka, 1976. – 328 s.
9. Kulakovskij, A. E. Trudy po yakutskomu yazyku / A. E. Kulakovskij. – Yakutsk : Yakutiya, 2017. – 290 s.

10. Anikin, V. P. Russkaya narodnaya skazka / V. P. Anikin. – Moskva : Prosveshchenie, 1977. – 208 s.
11. Pekarskij, E. K. Bibliografiya yakutskoj skazki / E. K. Pekarskij // Zhivaya starina, 1912. – Petrograd: Period. izd. Otdeleniya etnografii Imp. Rus. geogr. o-va. – S. 529–532.
12. Ergis, G. U. Syhyaryylar=Prilozheniya / G. U. Ergis. – Yakutsk : Yakutskoe knizhnoe izdanie, 1967. – 282 s.
13. Pankeev, I. A. Kniga russkogo fol'klora : ot ustnogo slova do izdaniya / I. A. Pankeev. – Moskva : Infosfera, 2005. – 436 s.
14. Tekstologicheskoe izuchenie eposa / [Akad. nauk SSSR, In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo ; otv. red.: V. M. Gacak, A. A. Petrosyan]. – Moskva : Nauka, 1971. – 229 s.
15. Neklyudov, S. Yu. Literatura kak tradiciya / S. Yu. Neklyudov // Temy i variacii. – Moskva : Indrik, 2016. – 520 s.
16. Pekarskij, E. K. Chachahan : yakutskaya detskaya skazka // Zhivaya starina, 1906. – Vyp. 2. – Sankt-Peterburg : Tipografiya Min. Put. Soobshch., 1906. – S. 118–122.
17. Alekseev, N. A. Etnografiya i fol'klor narodov Sibiri / N. A. Alekseev. – Novosibirsk : Nauka, 2008. – 522 s.
18. Nikolaev, S. I. K voprosu o proiskhozhdenii yakutskih legend o drevnih lyudoedah / S. I. Nikolaev // Sbornik statej i materialov po etnografii narodov Yakutii. Vyp. II. – Yakutsk, 1961. – S. 47–49.
19. Ksenofontov, G. V. Uraanghaj-sahalar : ocherki po drevnej istorii yakutov / G. V. Ksenofontov. – Irkutsk : OGIZ : Vostochnosibirskoe oblastnoe izdatel'stvo, 1937. – T.1. – 576 s.
20. Hudyakov, I. A. Kratkoe opisanie Verhoyanskogo okruga / I. A. Hudyakov ; pod redakciej V. G. Bazanova ; [podgotovka teksta O. B. Alekseevoj ; redakciya yakutskih tekstov i primechaniya: G. U. Ergisa, N. V. Emel'yanova, P. E. Efremova ; vstupil'naya stat'ya V. G. Bazanova i N. V. Emel'yanova] ; Akademiya nauk SSSR, Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom), Institut istorii, yazyka i literatury Yakutskij filial Sibirskogo otdeleniya. – Leningrad : Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1969. – 437 s.
21. Marfusalo, A. D. Rol' fol'klora v stanovlenii etnicheskogo samosoznaniya / A. D. Marfusalo // Epicheskoe nasledie narodov Yakutii : tradicii i sovremennost'. – Yakutsk, 2018. – S. 140–144.
22. Orosina, N. A. Skazitel'skaya «shkola» v sisteme epicheskikh tradicij naroda k postanovke problemy / N. A. Orosina // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – Yakutsk, 2013. – № 4 (41). – S. 32.

СИВЦЕВА-МАКСИМОВА Прасковья Васильевна – д. филол. н., профессор, г. н. с. Института А. Е. Кулаковского, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.

E-mail: smpv50@mail.ru

SIVTSEVA-MAKSIMOVA Praskovya Vasilyevna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chief Researcher, A. E. Kulakovsky Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ФЕДОРОВА Туяра Иннокентьевна – магистр филологии, редактор, Национальная издательская компания «Айар» им. С. А. Новгорода.

E-mail: fedorovatuyara21@gmail.com

FEDOROVA Tuyara Innokentievna – Master of Philology, Editor, S. A. Novgorodov National Publishing Company "Ayar".